

Историческая социология

© 2002 г.

А.И. СУВОРОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКОВ. ИСТОКИ, СТРУКТУРА, ОСОБЕННОСТИ

СУВОРОВ Алексей Иванович - кандидат исторических наук, доцент Юридического института МВД РФ.

Озабоченный угрозой со стороны международного терроризма - чумы XXI в. - цивилизованный мир в поисках эффективных путей его сдерживания и пресечения обращается к прошлому, пытаясь проследить аналогии, извлечь уроки. Значительный интерес представляет феномен российского политического терроризма, наложившего отпечаток на социально-политические процессы страны последней трети XIX и начала XX столетия и повлиявшего на дальнейшие судьбы страны.

С помощью насилия, политических убийств, нагнетания страха экстремистские силы стремились дестабилизировать внутривнутриполитическую жизнь, запугать правительственный лагерь, революционизировать оппозицию, чтобы захватить власть или добиться радикальных уступок для осуществления своих целей.

Длительное время в российской литературе господствовало однобокое освещение сущности политического терроризма, его роли и места в общественном развитии. Его рассматривали в качестве части освободительного движения, а поэтому оправдывали. Активные его приверженцы, как правило, окружались ореолом мучеников и страдальцев. В честь их назывались площади и улицы городов, возводились памятники. От таких подходов наша публицистика, а иногда и исследователи полностью не освободились и в постсоветский период.

Политический терроризм был присущ не только российской истории, но проявлялся в той или иной степени в других странах. Жертвами его были государственные и общественные деятели, в том числе коронованные особы, президенты, премьеры и министры. По подсчетам специалистов, на земном шаре насильственной смертью погибло более 500 первых лиц государств. При этом в нашей стране, начиная с Киевской Руси уровень насильственной смерти правителей составил 28 процентов [1].

На общемировом фоне российская разновидность терроризма рассматриваемого периода отличалась некоторыми особенностями, обусловленными социально-политической структурой, менталитетом и историческими традициями общества. Среди них углубление конфликта и противостояния между самодержавным строем и радикальными оппозиционными слоями общества. Начатый с реформ 1860-х годов процесс перехода к конституционной монархии оказался нерешительным и замедленным, провоцируя общественное недовольство. Ряд непродуманных действий, стесняющих свободу университетской жизни, вызывали вспышки студенческих волнений. Вместо компромиссных форм взаимодействия укоренились жесткие, антагонистические формы противостояния и борьбы.

В такой обстановке, не имея других механизмов влияния на судьбу страны, оппозиционные элементы стали чаще прибегать к исключительным, преступным действиям, в том числе к таким, как политический террор. П.Б. Струве по этому поводу писал: "Условием,

которое с исторической необходимостью породило и порождает революционный террор, является в нашей стране бессилие общественного мнения, закона и права" [2]. В программных документах многих террористических кружков и сообществ указывалось на приращение террора, как ответной меры на репрессии правительства [3]. Этим же оправдывали участие в терроре привлеченные к суду террористы [4].

Террористические настроения в условиях абсолютной самодержавной власти подогревались иллюзиями быстрого и сравнительно легкого, с "малой кровью" обновления страны с помощью физического устранения самодержца, его окружения, дестабилизации этим системы государственного управления. Это тем более казалось привлекательным на фоне провала "хождения в народ" и развявшейся мечты о близкой крестьянской революции. Отсюда ориентация лишь на узкий круг заговорщиков и использование террора как детонатора к революционному возбуждению народа. Показательно в этом отношении заявление террориста Александра Соловьева, который перед покушением на императора Александра II посетил сестер Фигнер (декабрь 1878 г.), занимавшихся революционной агитацией в Саратовской губернии под видом фельдшерии. В. Фигнер передает его слова: "Я бросаю место волостного писаря и поеду в Петербург, чтобы убить императора Александра II. Бесполезно жить в деревне. Мы ничего не будем в состоянии сделать в ней, пока в России не произойдет какое-нибудь потрясающее событие. Убийство императора будет таким событием: оно всколыхнет всю страну. То недовольство, которое теперь выражается глухим ропотом народа, вспыхнет в местностях, где оно наиболее остро чувствуется, и затем широко разольется повсеместно. Нужен лишь толчок, чтобы все поднялось. Одна искра - и пожар вспыхнет..." [5].

Одной из причин распространения экстремизма и терроризма в российском обществе надо считать укоренившийся и поддерживаемый среди населения, особенно среди интеллигенции, нигилистический взгляд на Россию, ее социально-политический строй, исторические традиции, культуру, экономику и т.д. При этом все увязывалось, обычно, с якобы никуда не годным государственным руководством, начиная от императора, министров, губернаторов и кончая полицейскими службами, судебными органами, различными ведомствами.

Известный вклад в это внесен русской художественной литературой и публицистикой, которые отражали преимущественно негативную сторону российской действительности, культивировали пренебрежительное отношение к ней. Выдающиеся мыслители В.В. Розанов, М.О. Меньшиков, И.Л. Солоневич, анализируя идейную направленность русской литературы и ее воздействие на общественное сознание, пришли даже к заключению о том, что именно она привела Россию к революции [6].

Бывший в прошлом одним из вожаков народовольцев, а потом порвавший с заблуждениями молодости Л.А. Тихомиров в зрелые годы писал, что на путь террора его бывших сподвижников вело убеждение, что якобы в России "ничего нельзя сделать", что "Россия находится на краю гибели и погибнет чуть не завтра, если не будет спасена чрезвычайными революционными мерами" [7]. И.С. Аксаков отмечал: "...В молодежи неведомо откуда появилась злая струя, нам совершенно чуждая... вдруг появилась яркая ненависть ко всему русскому, а из этой молодежи анархисты формировали динамитчиков..." [8].

На формирование крайне оппозиционных настроений в российском обществе заметное влияние оказали революционные события в ряде стран Европы, упразднение феодальных режимов, демократические свободы и институты. Вокруг этого в мире поднялась мощная, в большей части неоправданная реклама революционного романтизма. Влияние Запада на развитие политического терроризма проявлялось и в том, что революции там сопровождалась массовым террором: во время якобинской диктатуры во Франции (май 1793 - июль 1794 гг.) было отправлено на гильотину 2663 человека [9]. "Куль Французской революции, - писал А.И. Герцен, - первая религия молодого русского; и кто из нас не хранил портреты Робеспьера и Дантона" [10].

При выяснении истоков российского политического терроризма нельзя сбрасывать со счета и влияния традиций отечественной истории - многочисленные дворцовые перевороты, крутые меры в отношении оппозиции Ивана Грозного и Петра I, разинщину и пугачевщину, что сопровождалось грубым произволом и насилием, большой кровью и нагнетанием страха. "Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!" - восклицал А.С. Пушкин по поводу пугачевщины [11]. Эту сторону бунтов в народе знали мало, а чаще об их руководителях вспоминали в песнях и сказаниях, как о народных вождях и героях, народных заступниках.

Необходимо отметить и национальный аспект проблемы. История Российской империи в рассматриваемый период отмечена противостоянием с некоторыми национальными

окраинами вплоть до крупных восстаний (в Польше) и длительных войн на Кавказе, что сопровождалось грубым насилием и вспышками кровавого террора. Порождали недовольство и проявления национальной дискриминации со стороны государственных органов.

На распространении терроризма в определенной мере сказалось ослабление среди русского народа влияния нравственных норм православия. На это обратил, например, внимание Белинский в известном письме к Гоголю [12]. Многие террористы объявляли себя на суде и даже перед казнью атеистами, оправдывая мнение Достоевского, что человек, утрачивая веру в бога, способен на самые низкие поступки вплоть до убийства.

Указанные социально-политические особенности России служили питательной средой для эскалации терроризма, формировали благоприятную нравственную атмосферу в обществе для его распространения. Ряды террористов пополнялись, их "подвиги" прославлялись. Они получали моральную и материальную поддержку состоятельных либералов.

Широким кругам российской интеллигенции того периода, как отмечали многие крупные теоретики права, было присуще пренебрежение к правовым нормам общественной жизни. Некоторым больше импонировал принцип - цель оправдывает средства. Б.А. Кистяковский отмечал, что "русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности", ее правосознание "стоит на крайне низком уровне развития" [13]. П.И. Новгородцев писал: "Политическое миросозерцание русской интеллигенции сложилось не под влиянием государственного либерализма Б.Н. Чичерина, а под воздействием народнического анархизма Бакунина. Определяющим началом было здесь не уважение к историческим задачам власти и государства, а вера в созидательную силу революции и в творчество народных масс" [14]. Подобные же оценки правосознания российской интеллигенции содержатся в трудах И.А. Ильина, В.А. Маклакова, П.Б. Струве, И.А. Покровского и др. [15].

О настроениях студенчества того времени философ И.А. Ильин писал: "В дореволюционное время среди русского студенчества считалось, что тот, кто все время отдает науке или искусству и, в сущности говоря, накапливает и бережет духовный и жизненно-реальный опыт, а от "общественности" и "политики" сторонится, тот "академист", "карьерист", "шкурник" и "реакционер". (...) "Настоящий" студент призван прежде всего желать и требовать политического и социального "обновления". Он должен иметь "идеал" и содействовать какой-нибудь определенной партии, но идеал "один", другого нет. Это "социализм". Что такое "социализм", из чего он исходит, к чему ведет, как осуществляется - этого не знал никто" [16].

Атмосфера ослепления российского общества в отношении террора к концу 70-х годов высветилась в связи с процессом над террористкой В. Засулич. Вынесение оправдательного приговора за явно умышленное покушение на убийство петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова было встречено, по словам председательствующего на суде А.Ф. Кони, невиданным восторгом и ликованием не только в зале суда, но и за его пределами [17]. Даже находившийся в зале суда Ф.М. Достоевский, до этого обличивший в романе "Бесы" терроризм в форме нечаевщины, высказался, по словам публициста Г.К. Градонского, за оправдание преступницы, при этом заметил: "чего доброго ее теперь возведут в героини" [18]. В последнем великий писатель оказался прав: террористку поставили на пьедестал. Голоса таких мыслителей, как К.Н. Леонтьев и Л.Н. Толстой, о пагубных последствиях приговора по сути не были услышаны обществом. Зато резонанс того, что произошло в петербургской судебной палате, был велик в России и за ее пределами, послужив импульсом и началом массового русского политического терроризма. Нельзя не согласиться с профессором Ю.Р. Носовым, который пишет: "Никаких случайностей не произошло, все дело в том, что общество хотело, точнее сказать, общество жаждало пришествия терроризма. Можно воспринимать это как коллективное ослепление, временное умопомрачение, синдром самоуничтожения, садомазохизм, наконец, но факт остается фактом: общество само накликало на себя терроризм, благословило его (потом спохватилось - да поздно)" [19].

Маховик террора начал раскручиваться: вооруженные кружки и группы, подпольные типографии, динамитные мастерские. В преступную деятельность вовлекались новые силы. В центре и на периферии совершались покушения на губернаторов, градоначальников, видных деятелей полиции и жандармерии, суда и прокуратуры. М.Е. Салтыков-Щедрин в письме профессору А.Н. Энгельгардту из Петербурга в феврале 1879 г. воскликнул: "Что теперь здесь творится по поводу этих бессмысленных убийств и покушений, того ни в сказках сказать, ни пером описать" [20]. Еще больший размах эта деятельность приняла с созданием летом 1879 г. партии "Народная воля", поставившей главной целью убийство

императора. После серии неудачных покушений Александр II был смертельно ранен 1 марта 1881 г.

К середине 80-х годов принятыми правительственными мерами первая волна терроризма была отбита. Однако после примерно полутора десятка лет затишья развернулась вторая, еще более кровавая волна этого средства политической борьбы. На вооружение тактику террора приняли эсеры, анархисты, максималисты, национальные политические объединения Польши, Прибалтики, Кавказа. Приложили к этому руку и социал-демократы, в том числе большевики.

Террористы этого периода получали активную поддержку либеральной оппозиции. П.А. Столыпину не удалось из-за позиции кадетов добиться принятия в Думе резолюции с осуждением террора. Бывший начальник Петербургского охранного отделения генерал А.В. Герасимов впоследствии писал, что в 1905 г. "особенными симпатиями среди интеллигенции и широких обывательских, даже умеренных слоев общества пользовались социалисты-революционеры. Эти симпатии к ним привлекала их террористическая деятельность. Деньги в кассу их центрального комитета притекали со всех сторон и в самых огромных размерах" [21].

Террор второй волны отличался не только большей массовостью, но и неразборчивостью в выборе жертв: мишенью мог стать любой служащий, каким-либо образом связанный с правительственными структурами, любой человек в униформе. Призывая к тотальному террору, газета эсеров "Революционная Россия" в 1905 г. провозглашала: "Мы, социалисты-революционеры, вынуждены объявить вне закона не только всю ту организованную камарилью, которая фактически правит именем выродившегося недоросля-царя, но и ее агентов и сообщников. Мы вынуждены повести против них систематический террор по всей линии, сверху донизу, от крупных воротил до мелких сошек, от официальных представителей власти до неофициальных вербовщиков черных сотен..." [22].

Жертвами террора стали тысячи государственных и общественных деятелей, служащих и простых граждан. В официальных сообщениях и исследовательской литературе содержатся разноречивые сведения о числе этих жертв, но они поражают своими масштабами. Выступая на заседании Государственной думы, П.А. Столыпин сообщил, что только с октября 1905 г. по апрель 1906 года по политическим мотивам в стране убито 288 государственных служащих, 383 ранено [23]. По подсчетам правоведа профессора Н.С. Таганцева в 1905-1908 гг. убито 2563 должностных лица и 3616 частных лиц [24]. Американский профессор А. Гейфман приводит данные о 17 тысячах жертв политического терроризма в России за 1901-1911 гг. [25]. От рук террористов второй волны пали премьер П.А. Столыпин, министры Н.П. Боголепов, Д.С. Сипягин, В.К. Плеве, главный военный прокурор В.П. Павлов, начальник Главного тюремного управления А.М. Максимовский, десятки губернаторов, руководители многих жандармских и полицейских служб. Государству и частным предпринимателям был нанесен громадный ущерб от так называемых революционных экспроприации ("эксов"): с января 1905 по июль 1906 г. было зарегистрировано 1951 крупное ограбление по политическим мотивам [26].

В террористическую деятельность были вовлечены тысячи лиц, выходцев из различных социальных слоев общества, представителей многих национальностей, разных возрастных групп, мужчин и женщин. О преобладании среди них выходцев из интеллигенции свидетельствует социальная принадлежность террористов. Известна приводимая Лениным статистика привлеченных к судебной ответственности за политические преступления: за 1884-1890 гг. крестьяне составляли 7,1%, рабочие 15,1%, интеллигенты - 73,2% [27].

В возрастном составе среди террористов преобладали молодые люди в возрасте до 30 лет. Романтика революционной борьбы при скептическом отношении к прошлому, таинственный образ "борцов за свободу и счастье народа", раздуваемый нелегальной печатью, будоражил воображение, вызывал стремление к подражанию. "Многие из нас. - писал впоследствии Ленин, - начинали революционно мыслить как народовольцы, почти все в ранней юности преклонялись перед героями террора" [28]. По данным III Отделения его Императорского Величества канцелярии к 1878 г. из привлеченных к дознаниям по политическим делам более 60% составляли лица моложе 25 лет [29].

Пополнение террористам давала студенческая среда, податливая революционной пропаганде и нигилистическим настроениям. К 1907 г. число студентов вузов в стране по сравнению с 1897 г. выросло почти в три раза, главным образом за счет выходцев из низших сословий [30]. Репрессивные меры в отношении студенческих волнений подогревали экстремистские настроения. Следует согласиться с американским историком Р. Пайпсом, который пишет: "Последние полвека своего существования старый режим находился в состоянии

перманентной войны со своим студенчеством" [31]. Среди лиц, привлекавшихся по народо-вольческим процессам в 1880-х годах, студенты составляли 38,3% [32]. В орбиту террористических организаций попадали молодые люди, исключенные из вузов. Из них вышло немало активных боевиков и крупных организаторов террора: А. Желябов, Д. Каракозов, А. Соловьев, А. Михайлов, П. Карпович, С. Балмашев, Б. Савинков, И. Каляев, Е. Сазонов, М. Швейцер и другие.

Характерной особенностью терроризма в России является большой удельный вес среди его участников женщин, - следствие их правовой дискриминации и своеобразное проявление феминизма. Расширение доступа женщин к образованию повышало их самосознание и активизировало участие в политической жизни. Высшие женские курсы в 1870-х годах были учреждены в Петербурге, Москве, Казани, Киеве. В 1906 г. в университетах России училось 2130 женщин [33]. На I Всероссийском женском съезде (декабрь 1908 г.) отмечалось, что "в деле высшего женского образования мы далеко опередили Запад", и делался вывод: "Массовое возбуждение умов не осталось без влияния на женскую психику; оно бросает ее в русло бурной политической жизни; благородный и безудержный энтузиазм вовлекает женщин в ряды поборников нового права и приводит многих из них к подножию эшафота" [34].

Женщины вызвали меньше подозрение у полицейско-сыскных органов, поэтому руководство террористических организаций стремилось вербовать их и привлекать к участию в ответственных терактах. Среди наиболее активных террористок-народовольцев выделялись С. Перовская, Г. Гельфман, В. Фигнер, С. Лешерн, О. Любатович, А. Якимова, А. Корба, С. Гинсбург, Л. Волкенштейн, Т. Лебедева, П. Ивановская и другие; среди эсеров - Е. Брешко-Брешковская, М. Спиридонова, Т. Леонтьева, Д. Бриллиант, З. Конопляникова, Ф. Фрумкина, Е. Рогозинникова, Е. Ковальская, М. Школьник и другие. По подсчетам американской исследовательницы Эми Найт, в 1902-1910 гг. в боевой организации эсеров женщины составляли около 1/3 состава [35]. В составе Северного летучего отряда эсеров их насчитывалось до половины [36].

Одной из особенностей российского политического терроризма является его многонациональный состав, отражающий этническую специфику Российской империи. Наряду с русскими в терроре активно участвовали представители национальных окраин, особенно Польши, Прибалтики, Украины, Кавказа. Здесь террористическая деятельность носила в значительной степени националистический и сепаратистский характер. Большой удельный вес среди террористов составляли евреи. Об их оппозиционности в рассматриваемые годы свидетельствует интенсивная эмиграция. По сводке министерства внутренних дел в конце 1880-х годов евреи составляли более 1/3 российских политических эмигрантов [37]. Среди народовольцев выделялись такие активисты еврейского происхождения, как Г. Гольденберг, Л. Дейч, А. Зунделевич, Л. Шишко, Г. Гельфман, С. Гинсбург, Л. Гартман. Евреи составляли прочное большинство в руководстве и среди боевиков-эсеров: Г. Гершуни, А. Гоц, В. Чернов, Л. Зильберберг, Х. Левит, М. Швейцер, С. Виттенберг, Д. Бриллиант, Ш. Сикорский и др. По подсчетам Р.А. Городницкого, в Боевой организации эсеров в 1907-1908 годах евреи составляли до половины состава [38]. Такой же, примерно, удельный вес они составляли в боевых группах анархистов [39]. "Еврей легко становится революционером и социалистом", - писал Н.А. Бердяев [40]. Активность евреев в революционном движении, в том числе и в террористической деятельности, связана с еврейскими погромами, с дискриминационной политикой правительства в отношении них [41], с антисемитскими настроениями в стране. Видимо, какая-то часть из них была заражена сионистскими идеями об избранности и особой миссии еврейской нации. В книге "Двести лет вместе" А. Солженицын приводит выдержку из донесения сенатора Кузьминского, расследовавшего события в Одессе после Манифеста 17 октября 1905 г.: "Молодежь, и в особенности еврейская, с видимым сознанием своего превосходства стала указывать русским, что свобода не добровольно дана, а вырвана у правительства евреями... открыто говорили русским: теперь мы будем управлять вами, и также: мы дали вам Бога, дадим и царя" [42].

Особенностью политического терроризма в России была высокая степень его организации. Если в других странах в этот период он был делом одиночек и выражался преимущественно в стихийных выступлениях, то в России террористы, как правило, были организованы, их действия планировались и направлялись партиями, тайными обществами, кружками, боевыми отрядами и группами. "Народная воля" и боевая организация эсеров по дисциплине, отработанной системе конспирации, технической оснащенности и эффективности не имели себе равных в мировой практике. Руководящие органы террористических организаций намечали объекты покушений, выделяли исполнителей, решали вопросы

финансирования и вооружения, содержали типографии, конспиративные квартиры, мастерские по изготовлению оружия и боеприпасов, фальшивых документов.

Указанные особенности делали политический терроризм в России опасным для общества, требовали напряженной, длительной, бескомпромиссной борьбы и немалых жертв для его сдерживания и преодоления.

Чем привлекал революционный терроризм довольно широкий круг его поклонников, что двигало их помыслами при выборе пути? Значительную часть среди них составляли убежденные последователи, твердо верившие в благородную преобразующую силу террора. Из них выходили стойкие, фанатичные боевики, готовые на самопожертвование во имя, по их мнению, великой цели (Д. Каракозов, А. Соловьев, Б. Савинков, И. Каляев, Е. Сазонов, А. Покотилев, Д. Бриллиант, З. Конопляникова, М. Спиридонова и другие). Немалую часть составляли "рыцари на час": молодые люди, увлеченные романтикой революционного подвига, любители острых ощущений, или попавшие в сети, расставленные опытными "ловцами человеческих душ". Участник группы "южных бунтарей" Л. Дейч пишет в воспоминаниях, что "вся окружающая обстановка того времени вызвала у них жажду сильных ощущений, рискованных и опасных предприятий" [43]. Многие не выдерживали напряжения, разочаровывались, а будучи арестованными, каялись и выдавали сообщников (Н. Рысаков, Г. Гольденберг, И. Окладский, А. Квятковский, Я. Стефанович, П. Елько. Н. Стародворский, Ф. Качура и другие).

Большой слой террористов составляли лица без определенных занятий, выбитые из нормальной жизненной колеи. Выполняя террористические задания, они получали не только средства для жизни, но нередко могли совершать путешествия по стране и зарубежью. Большой наплыв таких лиц наблюдался на этапе, когда широкий размах приобрели революционные экссы. Произошло заметное разбавление политического террора уголовниками, любителями ловить рыбу в мутной воде. По словам П.Б. Струве, произошло «слияние "революционера" с "разбойником". ...В революцию ворвалась струя прожигания жизни и погони за наслаждениями...» [44]. В наибольшей степени это выявилося у анархистов. Жандармский генерал А.В. Герасимов в показаниях следственной комиссии Временного правительства в 1917 г. отмечал, что "многие организации, действовавшие под анархистским флагом, по своей идеологии не были революционными, а просто пользовались анархической риторикой для оправдания обычного бандитизма" [45].

Нельзя сбрасывать со счета вступление в террор лиц с неуравновешенной психикой, с личной жизненной драмой. Некоторых из них привлекала слава Герострата, для других это был нестандартный способ ухода из жизни с громким хлопаньем дверей. Вот, например, какие предложения сохранились в архиве Б. Савинкова: "Так как у меня, по словам докторов, чахотка и идет горлом кровь, то мне все равно умирать, и я готов бросить бомбу. С товарищеским приветом, Митюха" [46]. Психопатология в сочетании с постоянными стрессовыми перегрузками и шаткостью идейных позиций порождали среди этих революционеров большое число самоубийц и клиентов психиатрических лечебниц. Покончили жизнь самоубийством такие активные террористы, как Е. Сазонов, Г. Гольденберг, Н. Саблин, М. Грачевский, М. Клименко, И. Баринев, П. Поливанов, И. Коморский, С. Бобохов, С. Гинсбург, Р. Лурье, М. Канчер, С. Ильинский, Э. Лапина, М. Калюжная и другие. После ареста оказались в психиатрических лечебницах Д. Бриллиант, Е. Дулебов, А. Емельянов, А. Арончик, А. Буцевич, В. Андрианов, Н. Щедрин, Л. Руднева. Фанатичная террористка, дочь якутского вице-губернатора Татьяна Леонтьева, готовившая покушение на Николая II, а затем застрелившая в Швейцарии француза Ш. Мюллера, приняв его за российского министра П.Н. Дурново, в заключении предпринимала две попытки самоубийства, а закончила жизнь в больнице для душевнобольных. В парижской психиатрической лечебнице умер 40-летний приверженец и теоретик революционного террора Петр Ткачев.

Таким образом, жертвы и жертвы с той и другой стороны острого противоборства. А во имя чего? "Манифест 17 октября 1905 г. вырван у царя террористами", - утверждают адвокаты Гершуни-Савинкова. Однако эту "победу" едва ли можно считать адекватной понесенным жертвам. И, кроме того, свободы народ мог бы получить на четверть века раньше, если бы не 1 марта 1881 г. Была прервана и многообещающая реформаторская деятельность П.А. Столыпина. Разгул терроризма спровоцировал "кровавое воскресенье" и втянул страну в полосу массовых убийств, грабежей и разбоя 1905-1907 гг. Россия лишилась многих выдающихся государственных деятелей, выполнявших свой служебный долг. Велики негативные идеологические последствия террора. Глубоко безнравственная, антигуманная его сущность тлетворно влияла на самих преступников, на окружающих, особенно на молодежь. Террористы несли в общественную жизнь зловещий дух насилия, прививали ба-

цилу привыкания к жестокости и убийствам, грабежам и разрушениям. Отзвуки терроризма болезненно отразились на судьбах страны: способствовали утверждению режима, основанного на страхе и насилии, сказались на кровопролитной гражданской войне. Большевистские лидеры, высказывавшие свое духовное родство с революционными террористами, придя к власти, далеко превосходили в терроре своих предшественников. И в наше время нетрудно увидеть в современном всплеске терроризма определенные генетические корни из прошлого. Исследование этого зловещего явления в его прошлом и настоящем может сослужить полезную службу в его сдерживании, нейтрализации и пресечении на современном этапе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. *Галкин Е.Б.* Некоторые историко-социальные черты российской монархии // Социол. исслед. 1998. № 5. С. 14-15.
2. *Струве П.Б.* Patriotica. СПб., 1911. С. 153.
3. См.: Листок Земли и воли 1879. № 2-3. 22 марта; Революционное народничество 70-х годов XIX в. Т. 2. М. -Л., 1965. С. 172; *Савинков Б.В.* Воспоминания. М., 1990. С. 89.
4. РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4319. Л. 84.
5. РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 147. Л. 134.
6. См.: Наш современник. 2000. № 2. С. 188.
7. *Тихомиров Л.А.* Почему я перестал быть революционером. М., 1895. С. 45, 56.
8. Цит. по *Шарапов С.Ф.* Соч. Т. I. 4.1. М., 1960. С. 36.
9. См.: *Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1901. Т. 65. С. 76.
10. *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1966. Т. 30. С. 502.
11. *Пушкин А.С.* Проза. Драматические произведения. М., 1974. С. 155.
12. См.: *Белинский В.Г.* Эстетика и литературная критика: В 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 636.
13. *Кистьяковский Б.А.* В защиту права // Вехи. М., 1909. С. 126-127.
14. *Новгородцев П.И.* Восстановление святых. Кн. I. М., 1992. С. 429.
15. См.: *Ильин И.А.* О сущности правосознания // Вестник права. 1917. № 1; *Маклаков В.А.* Речи судебные, думские и публичные лекции 1904-1926 гг. Париж, 1949; *Струве П.Б.* Partiotica. СПб., 1908. С. 165; *Покровский И.А.* Перуново заклятие // Из глубины. М., 1991. С. 264-265.
16. *Ильин И.А.* Наши задачи: В 2 т. Париж - Москва, 1992. Т. 2. С. 112-113.
17. *Кони А.Ф.* Избранное. М., 1989. С. 350-351.
18. *Градовский Г.К.* Итоги (1862-1907). Киев, 1908. С. 19.
19. *Носов Ю.Н.* Никто не хочет слушать пророков // Независимая газета. 1998. 1 апреля.
20. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. в 20 т. М., 1976. Т. 19. Кн. I. С. 101.
21. Цит. по: *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000. С. 350.
22. Революционная Россия. 1905. 1 августа.
23. *Столыпин П.А.* Речи в Государственной думе и Государственном Совете. Нью-Йорк, 1990. С. 27.
24. *Таганцев Н.С.* Смертная казнь. СПб., 1913. С. 92.
25. *Гейфман А.* Революционный террор в России. 1894-1917. М., 1997. С. 32.
26. См.: Родина. 1998. № 7. С. 64.
27. См.: *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 25. С. 95.
28. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 6. С. 180.
29. См.: Каторга и ссылка. 1938. № 1. С. 56.
30. См.: *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX - начале XX веков. М., 1991. С. 254, 268.
31. *Пайтс /'.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 344.
32. См.: Народная воля перед царским судом. Вып. II. М., 1931. С. 126.
33. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 515. Л. 8 об.
34. *Айвалюва С.Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. С. 170. 183.
35. Женщины-террористки в России. Ростов н/Д, 1996. С. 7.
36. *Морозов К.Н.* Указ. раб. С. 349.
37. Наш современник. 1989. № 11. С. 166.
38. См.: *Городницкий Р.А.* Указ. раб. С. 182.
39. См.: Анархисты. Документы и материалы: В 2 т. М., 1998. Т. I. С. 11.
40. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. Берлин. 1923. С. 21.
41. По закону от 3 мая 1882 г. евреям запрещалось селиться вне городов и местечек, ограничивалась торговая деятельность, устанавливалась предельная норма для обучения в высших и средних учебных заведениях.
42. *Солженицын А.И.* Двести лет вместе (1795-1995). 4.1. М., 2001. С. 391.

43. *Дейч Л.* За полвека. В 2 т. Берлин, 1923. Т. 2. С. 133.
44. *Струве П.Б.* Преступление и жертва // Русская мысль. 1911. № 10. С. 143.
45. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. М. -Л. 1926. Г. I. С. 3.
46. *Савинков Б.И.* Неизвестные рукописи // Знамя. 1994. № 5. С. 157.